hang des Heldenbuches (изд. 1509 г.): ward auch ein schmid in dem b e r g zů gloggensachszen.

6. Одиночество, изгнание.— Мотив одиночества играет заметную роль в конституировании образа Вёлунда. Он отражается, например, в Vkv. 5: Enn e i n n Vǫlundr sat í Úlfdǫlom «И о д и н жил Вёлунд в Волчьих долинах». Изолированность Вёлунда проявляется в его удалении от семьи [ср. его воспоминания о том времени, когда «мы всей семьей были дома» — er vér heil hiú heima vórom (Vkv. 14)] и его вынужденном уединении на острове в качестве пленника Нидуда (... oc settr í hólm e i n n ... Engi maðr þorði at fara til hans nema konungr einn «... и посажен он (Вёлунд) на острове один ... И никто не должен был приходить к нему, кроме конунга»). Пребывание у Нидуда в различных версиях сюжета изображается как тяжелое изгнание: En þú gerðir mic u t l æ g a n oc f r i ð l a u s a n (þrs. 134) «А ты сделал меня и з г о е м и л и ш е н н ы м м и р а», причем в þrs. 134 используется типичная юридическая терминология для обозначения человека,исключенного из общины и лишенного социального статуса. В D. 1—4 тема изгнания в соответствии с древнегерманскими мифопоэтическими представлениями ассоциируется с холодом, зимой: Welund ... wræces cunnade ... hæfde ... to gesiþþe sorg ond longa, wintercealde wræce «Вёлунд ... изведал изгнание ... его сопровождали забота и тоска, зимнестуденое изгнание». Мотив изгнания выражен и в Vkv. 17, в строфе, нуждающейся в расшифровке. Жена Нидуда, наделенная провидческим даром (в Vkv. 30 она названа «мудрой» — kunnig, а это прилагательное однозначно отсылает именно к магической сфере, ср. fjǫl-kunnigr ‘волшебный, колдовской’, букв. ‘многомудрый’), угадывает в Вёлунде его демоническую сущность, обращаясь к окружающим: Era sá nú hýrr, er ór holti ferr «Тот не hýrr, кто идет из леса». В словарях hýrr приписывается значение ‘милый, приятный, мягкий’, однако имеются все основания считать это значение результатом семантического «выветривания», нивелирования присущего ему глубинного смысла и предположить с о ц и а л ь н ы е коннотации. В данном аспекте весьма примечателен контекст, поскольку антитеза ‘лес — дом (милое окружение)’ конституирует ядро древнегерманской социальной концепции, согласно которой изгнанник отождествляется с лесным зверем (др.-англ. wealdganga ‘изгой’, букв. ‘бродящий по лесу’), прежде всего с волком. Метафора ‘преступник — волк’ детально разрабатывается в Vkv., где упоминается жилище Вёлунда «Волчьи долины» (Úlfdalir), на берегу «Волчьего озера» (Úlfsjár). Этимология hýrr< *heurja <*keu̯-w-r-< < *ku̯ei̯- ‘здесь, этот’, букв. ‘тутошний’ [7], ср. готск. hidre ‘сюда’, und hita ‘до сих пор’ и др.) служит убедительным доказательством социальной природы обозначаемого понятия, поскольку оппозиция ‘свой — чужой’ играет основополагающую роль в конституировании социальной терминологии. Единственным и необыкновенно ценным свидетельством об изгнании Вёлунда, предшествующем его пребыванию у Нидуда, располагает Anhang des Heldenbuches (изд. 1509 г.), в котором сказано: Wielant ... hertzog ward vertriben von zweyen riszen, die gewunnen jm syn land ab. do kam er zu armut. Причина изгнания Вёлунда великанами остается неясной; по-видимому, приводимый отрывок содержит намек на «темное» прошлое Вёлунда, которое могло найти отражение в германской архаичной песне, посвященной этому персонажу. Не лишена правдоподобия гипотеза об идентификации первого изгнания Вёлунда с периодом, проведенным им у Нидуда [8, с. 33].

7. «Змеиная» тема.— Разбиравшиеся выше мотивы в своей совокупности (связь с загробным миром, плодородием, необычайная сила хтонического происхождения, соотнесенность с водной стихией, горой, изгнанием) косвенно указывают на «змеиные» истоки Вёлунда. Сохранившийся о Вёлунде архаичный материал позволяет эксплицировать «змеиный» аспект этого персонажа. Развернутое сравнение Вёлунда со змеем содер-